

Рахматулина Даниэля Викторовна

аспирант

Волгоградский институт управления (филиал)

ФГБОУ ВО «Российская академия

народного хозяйства и государственной

службы при Президенте РФ»

г. Волгоград, Волгоградская область

**СУБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
ЭТНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: АНАЛИЗ
АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ**

Аннотация: в данной статье представлено обоснование базовых концептов, на основе которых строится исследование субъективной реальности этно-исторической памяти. В качестве базовых категорий предложены концепты субъективной реальности, культурной натуральности и личной теории. Приведено описание результатов исследования, участниками которого стали потомки поволжских немцев из Волгограда и Волгоградской области.

Ключевые слова: этно-историческая память, этническое самосознание, нарратив.

Этно-историческая память – конституирующее образование, определяющее самосознание представителей этноса и его жизнеспособность в целом. Историческая память народа представлена в форме официально принятой последовательности событий, которые оцениваются как героические, трагические, судьбоносные, а также в форме субъективной памяти людей, составляющих этот народ. Вместе с тем, что эти реальности соотносятся, они могут оказаться различными и по содержанию, и по оценкам.

Исторический подход предполагает восстановление фактов и объективной взаимосвязи событий. Психологический подход предполагает экспликацию событий, составляющих предмет переживания и определяющих отношение людей к этим событиям как составляющим их судьбу, судьбу их семьи и их народа. При

этом подходе в фокусе исследования находится *субъективная реальность*, соотносимая с исторической реальностью и ее событиями, но не совпадающая с ней, вплоть до искажения, игнорирования, отрицания, вытеснения или переоценки событий. В отличие от исторической реальности, конституируемой последовательностью причинно-следственной связи событий, субъективная реальность может строиться на аффективно окрашенных ассоциативно-интуитивных связях, быть вообще алогичной.

Субъективная реальность. В понимании субъективной реальности человека мы ориентируемся на антропологический подход в отечественной психологии [3; 4; 9], в котором субъективная реальность определена как исходный предмет изучения и одновременно как исходный объяснительный принцип. Согласно В.И. Слободчикову и Е.И. Исаеву, «категория субъективности – это та основа, которая позволяет развернуть панораму и перспективу наших представлений о человеке, становящемся и определяющемся в мире; о человеке, обретающем образ человеческий во времени не только личной биографии, но и мировой истории, в пространстве не только наличной цивилизации и сознания, но и универсального мира культуры во всех ее измерениях» [8, с. 12]. В этом контексте мы будем рассматривать субъективную историческую память и субъективную географию событий, становящиеся предметом рефлексии человека в тех ситуациях, когда актуализируется принадлежность к этносу, его исторической судьбе.

В повседневности этно-идентичность может проявляться как «культурная натуральность» [5–7] – как неререфлектируемые ориентировки, стереотипы, идиомы, фразеологизмы, поведенческие привычки и т. п. Рефлексия же проявляется при столкновении с затрудняющими обстоятельствами, останавливающими поток сознания и течение поведенческих актов и напоминающими об этнической принадлежности.

В субъективной реальности этнического самосознания предполагаем наличие двух пересекающихся форм – «культурную натуральность» и «личную теорию».

Культурная натуральность – проявления субъективной реальности человека, встроенные в его повседневную жизнь и функционирующие как отработанные автоматизмы поведения, мышления и сознания. Это – продукт аккумуляции, в которую человек включен с ранних этапов онтогенеза. Культурная натуральность формируется при освоении родной речи, включении в распорядок дня при освоении предметов быта и т. д.

Личная теория, как полагают И.В. Жуланова, А.М. Медведев [5], в отличие от культурной натуральности, осознается, рефлектируется и обосновывается, содержит концепцию субъекта всего происходящего с человеком, будь то он сам, судьба или исторический процесс, а также – логику и аргументацию произошедшего и происходящего. В отношении событий, представляемых в форме личной теории, человек может строить объяснения, относиться к ним как к данности или же как к результату собственных усилий.

Итак, будучи человеческой формой существования, субъективная психологическая реальность культурна. Начиная с раннего онтогенеза, она насыщается культурными медиаторами. Будучи деятельностным образованием, она содержит смысловую и операционально-техническую стороны. Будучи сторонами деятельностных актов, эти стороны переходят друг в друга – автоматизируясь до стереотипной ориентировки и навыка, субъективная реальность обретает форму культурной натуральности (операциональная сторона), а вырываясь из обыденного функционирования (самим человеком или внешними обстоятельствами), культурная натуральность оформляется (посредством рефлексии и культурных медиаторов) в личную теорию (смысл человеческий).

Ближайшей доступной как самому носителю субъективной реальности, так и ее исследователю формой ее представления может быть автобиографический нарратив – повествование о своей жизни. Нарратив может быть проявителем границы между культурной натуральностью и личной теорией и средством трансцендирования – пересечения границы и перемещения культурно--натурального в фокус рефлексии, осознания смысла своих же стереотипов и своей же повседневной жизни.

Сегодня нарратив – это концепт, объединяющий историю и психологию. По мнению Е.Е. Сапоговой суть нарративного подхода отражена в том, что «жизненный путь личности понимается как осмысленное целое, существующее для нее самой и для других в форме завершенной истории – автобиографического нарратива» [8, с. 64].

Выбор нарративного подхода определяется необходимостью бережного отношения к биографической и исторической памяти людей, содержащей образы психологически болезненных, трагических событий.

Таким образом, субъективная реальность этнического самосознания выявляется нами посредством нарратива, где единицей анализа выступает «событие» – временно-пространственная локализация субъективно значимого и эмоционально пережитого факта, находящего оценку в личной теории респондента.

Пилотажное исследование и предварительные результаты

Целью было исследование общей картины биографической и исторической памяти поволжских немцев, представленности в нем важных исторических событий и наличия их сопряжения с событиями личной судьбы. А также выявление общего стереотипного содержания, соотносимого нами с культурной натуральностью, в сопоставлении с личной теорией.

Исследование проводилось в сентябре 2015 г. – феврале 2016 г. на территории Волгограда и Волгоградской области. Участниками стали поволжские немцы, являющиеся гражданами России, 36 человек в возрасте от 47-и до 93-х лет, из них 12 мужчин и 24 женщины. Все участники исследования:

– являются этническими поволжскими немцами (оба родителя или один из родителей, бабушка или дедушка респондентов поволжские немцы);

– считают себя поволжскими немцами.

Применялись *методы* беседы, полуструктурированного интервью (авторский опросник).

Удалось установить *субъективно значимые события* культурно-исторического контекста, являющиеся общими для респондентов, так или иначе вплетенные в их личные жизненные истории. Такими событиями стали:

1) основание колоний на берегу Волги немецкими переселенцами, прибывшими по приглашению Екатерины II в Россию (1765 г.) – 52%: «Те, которые при Екатерине приехали, долгое время традиции соблюдали, веру держали, а потом все перемешалось, вот так»; «А потом появился манифест Екатерины II, которая приглашала иностранцев осваивать Поволжье. Вот так наши предки и оказались в Лизендергийском кантоне, сейчас это Энгельский район ст. Безымянная»;

2) ликвидация Автономной Республики немцев Поволжья и депортация немцев из АССР, встречающаяся в речи респондентов как: «ссылка», «трудармия», «репрессия» – 61%: «Из ссылки на родину предков мы только в восьмидесятих приехали. Деда в трудармию отправили в сорок первом, а бабушка одна с пятерыми детьми в селе осталась»; «Отца арестовали, а мы всей семьей – нас 10 человек было с дедушкой и бабушкой, еще тетя с нами – в ссылку»; «Когда их выслали, деда забрали в трудармию, а мама была беременна пятым как раз, отцом моим»;

3) частичная реабилитация 1956 г. – 16%: «Ну потом тоже ходили мы, уже тут отмечались, ходили расписывались в комендатуру. А потом в 56 году сняли это. Ну, репрессию эту»;

4) возможность вернуться на территорию бывшей немецкой автономии («на родину») в 70-х годах – 19%: «А мы уже потом вернулись. Но не в наше село, в другое. В нашем уже и дома нашего не было, мы тут поднимали село»;

5) переезд родных в Германию, на историческую родину, в 90-х гг. – 61%: «У нас, во-первых, деревня почти полностью эмигрировала в Германию, можно сказать. Почти все уехали»;

6) неудачные попытки восстановления государственности – 27%: «Одно время была надежда, что будет у нас тут автономия, как раньше. Но не позволили. Дело дошло до демонстраций, оскорблений, после этого многие разочаровались и уехали в Германию».

Предметом дальнейшего анализа был категориальный строй текстов: мы устанавливали те семантические гнезда, которые проявляли содержание культурной натуральности и личных теорий.

Рассмотрим основные из таких категорий, снабдив их выдержками из текстов респондентов.

Культурная натуральность. Быт

«Я немка, но даже немецкого не знаю. У меня обычная жизнь, как у всех»; «Моя бабушка никогда не говорила о семейных обычаях, и разговоры на эту тему не поддерживала, даже наоборот, не любила вспоминать о прошлом. Но молча поддерживала национальные традиции. Например, она пекла пирожки по пятницам»; «Солили соленья, мясо солили, колбасы немцы делали, а русские не делали раньше. Ливерную, мясо солили всегда, вот эти кухне, народное».

Темы депортации и войны как трагические события личной теории

«Кушать нечего было, и мы пошли в балку набрать травы, там, может, щавель рос какой или еще что. И вот идем, с нами двоюродные сестры были, тети Лотты (Шарлотты) дочки, и мы все, человек 7–8. А фашистский летчик увидел нас – может, на задание летел. Снизился и стал по нам стрелять. Мы – бежать. А он кругом – и обратно, и опять по нам стреляет, из автомата. Мы от ужаса в землю стали зарываться, маленького братика землей засыпало, мы его потом откопали, живой. А Августу контузило, что ли, то ли от страха она потом говорить долго не могла. Ей тогда 12 лет было. Как зайцев, гонял нас по полю. Я даже его лицо видела, никогда не забуду»; «Ну... Когда война началась, репрессия была. Погрузили в вагоны телячьи и повезли туда, в этот Кустанай. Привезли тоже в такую деревню... Так это я все помню, да. Мы там, в этом Кустанае, мама пошла вроде работать, а что, работы тяжелые все, а мы-то маленькие... Есть нечего было тоже, мама одна получала паек, а нас-то вон сколько. Ну а потом мать тоже... (умерла)».

Особое отношение к труду как основе существования

«...А вот что я еще скажу. Все сейчас плачут, мол, плохо живем. Чтобы лучше жить, надо больше работать, как работали наши деды и прадеды. Гляньте, как они строили – до сих пор дома стоят, живем в них».

Стигматизация как угроза этно-идентичности и психологическому благополучию

«На мою судьбу национальность повлияла в полной мере. Я считаю, что все, что со мной происходило, было отражением того что я – немка»; «А про жизнь в Сарепте мама Вам рассказывала? – Что ты! Упаси Боже. До самой смерти ничего не говорила»; «В юности уже не дразнились, как-то прошло все. А в школе я дралась, если фашисткой обзывали. Прямо сразу в морду била. Говорю – у меня сестра на фронте погибла и три старших брата воевали, какая я тебе фашистка? Потом как-то все привыкли и уже не дразнились».

Относительно спокойные исторические периоды оказываются не представлены – актуализируются «трудность и боль».

Таким образом, были определены основные культурно-исторические события жизни народа, в привязке к которым выстраивается этно-историческая память волгоградских поволжских немцев, что послужит отправной точкой для дальнейших этапов исследования.

Список литературы

1. Барт З. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / З. Барт // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 512 с.

2. Бахтин М.М. К философии поступка / М.М. Бахтин // Работы 20-х годов. – Киев: Next, 1994. – С. 9–69.

3. Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии / Б.С. Братусь // Вопросы психологии. – 2010. – №5. – С. 25–36.

4. Василюк Ф.Е. Психология переживания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib100.com/book/psihologiya_perejivaniya

5. Жуланова И.В. Системно-деятельностный подход как методологическое основание проектирования образовательной ситуации подготовки учителей и психологов / И.В. Жуланова, А.М. Медведев // Науковедение. – 2014. – №5 (24) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/81PVN514.pdf>

6. Медведев А.М. Субъектность и личные теории в построении интимно личного отношения в юношеском возрасте / А.М. Медведев, М.Е. Сивишкина // Психология обучения. – 2013. – №6. – С. 103–117.

7. Нежнов П.Г. Опосредствование и спонтанность в теоретической картине развития / П.Г. Нежнов // Педагогика развития: образовательные интересы и их субъекты: Материалы 11-й научно-практической конференции. Красноярск, апрель 2004 г. Доклады на пленарных заседаниях, секциях и дискуссиях. – Красноярск, 2005. – С. 113–127.

8. Сапогова Е.Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии / Е.Е. Сапогова // Культурно-историческая психология. – 2005. – №2. – С. 63–74.

9. Слободчиков В.И. Антропологический принцип в психологии развития / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев // Вопросы психологии. – 1998. – №6. – С. 3–17.